

«Из всех искусств, важнейшим для нас является дагерротипия!» – заявил как-то Государь Император Николай I Павлович после фотосессии самое себя с семейством на открытии первой в России железнодорожной магистрали «СП (б) – Москва» (1843–1851). Помните: «В чистом поле мчится птицей пароход!» (тогда всё, что приводилось в движение паровым двигателем

пароходом же и называлось, от собственно парохода Р. Фультона на Гудзоне вплоть до парового плуга Дж. Хиткоута) – это как раз про этот случай песенка: «Мчится птицей!», про паровоз. Её еще бурлакам предписано было распевать: «Шибче воли мчится в поле!» «Товариществом Гужевого Судоходства», а то они, тунеядцы, со своей inferнальной «Дубинушкой» не слишком резво баржи волокли с монопольными товарами по Волге-матушке: «Эх, ухнем!»... и рухнули. А так: «Шибче воли!» – вверх по течению, «Мчится в поле!» – вниз. Только песок из-под босых пяток веером (Репин стоит, башкой вертит, эскизы рвёт, психует невероятно...)

Сделать дагерротип императорской фамилии уговорила августейшего супруга его не менее августейшая супруга Александра Федоровна, – Ну, Николая... – с деланным недоумением вздёрнула она крашеными бровками, – как ты, вообще, воображаешь себе нынешний PR без фотографии? XIX век на дворе! В Европах вон уже публика светские скандальные хроники в дагерротипах раскупает: «Принцесса Аллес Либенштейн в одной купальной кабинке». Представляешь, эта вульгарная особа добрых полчаса, как столбняком хваченная, в балетной позе *une raie fesse* стояла, будто те страус перепуганный, пока её сеньор Папарацци в щёлочку тростниковой кабинки снимал...

Надо сказать, что таковы были в сороковых годах XIX столетия технические особенности процесса фотографирования. В частности, дагерротипии, патент на которую был приобретён у L.G.M. Дагера в 1839 году французским правительством и потому, как всякое французское нововведение, приобрела известные модность и распространение. Светочувствительный раствор тогда еще требовал продолжительной и даже изнурительной для портретной съёмки, выдержки. Вначале, как правильно заметила Александра Федоровна, до получаса, – в течение которых ни пошевелиться, ни даже муху на бороде убить нельзя было ни в коем случае, иначе снимок был бы безнадежно испорчен.... Вот и замирала развратная принцесса Аллес то в позе трудолюбивой прачки, то древнеегипетской плакальщицы, разодрав корсет и распустив волосы...

– А у нас и пристойной портретной группы нет: «Романовы в Царском Селе...», например, «...едят ананасы и рябчиков жуют, день свой последний безропотно ждут» или «Романовы травят учительниц-народоволок цепными псами царизма Бенкендорфом, там, и прочими». Даже неприлично, ей Богу... – продол-

жала скрипеть Александра Федоровна, хотя Николай Павлович уже и располагался с кислой усатой миной посреди своего августейшего выводка, ворча на ухо Сперанскому,

– Надеюсь, что до открытия рентгенографии еще достаточно далеко, а то вообразите себе семейную флюорограмму: «Романовы в общественной бане»

Жаль, история не сохранила для нас того памятного снимка: «Романовы на открытии железнодорожного сообщения «Санктъ-Петербург – Москва»» Досаднейшее недоразумение приключилось в последнюю минуту съёмки. Окончательные крупницы песка истекали из верхней колбы песочных часов, должных отмерять получасовую выдержку, когда над портретной группой Романовых воспарил западноевропейский буревестник, злой как чёрт и беспричинно революционно настроенный. Так и сказал, с гортанным немецким акцентом: «Буря! Пусть жирнее глупый пингвин, тьфу!.. Глупее жирный... Donnerwetter! Сильнее грянет буря!» При этом свой пророческий романтизм заморский политэмигрант сопровождал изрядной порцией известково-белого помёта.

Романовы тотчас шарахнулись во все стороны, оставив на фотографической пластинке только инверсионные следы своего бегства и, в должной парадной неподвижности, маленького цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II-го Освободителя) с пальцем глубокой сосредоточенности в носу. Сашенька, единственный, с истинно христианским смирением принял провозглашённую обречённость монархического строя и позднее даже отменил крепостное право... за что и был убит радетелями счастья народного.

Откуда на Среднерусской возвышенности, столь далеко от «седой равнины моря», взялся пернатый оракул – обитатель прибрежных вод, так и осталось неизвестным. На все вопросы следователя III-го отделения Его Имп. Вел-ва. канцелярии штабс-капитана Бальмонта буревестник, позевав жёлтым хищным клювом, неизменно отвечивал: «Вам, гагары, недоступно!» и, гордо отвернувшись, заходился хохотом совершенно идиотским.

Тогдашние фотографические аппараты – громоздкие лакированные короба с гармошками объективов, весом до 50-ти кг, на сегодняшний день, более чем антикварные раритеты или предметы коллекционной гордости, – теперь это своеобразные «бабушкины сундуки», в которых сама история, в простоте

быта, свалена бестолковым ворохом своих неоспоримых свидетельств... Мол, все это было, было, было...

Однако обратимся к предмету краеведческих исследований.

Керчь-Еникальское градоначальство Таврической губернии.

Моменты новейшей истории этого тишайшего (если даже не тихопомешанного) городка с завидным Геродотовым предисловием античного прошлого и с уютной провинциальностью настоящего, были сняты по преимуществу легендарным «Kodak-ом» 1855 года выпуска с новомодным пейцмановским объективом, купленным на нижегородской машинной ярмарке.

Вот этим господином сняты, который, сгорбившись под дерматиновой накидкой, только что почесал носком правой туфли лодыжку над левой, несколько задрав полосатую штанину. Это никто иной, как Фотий Цаймер, владелец фотографического салона «Фотографія Цаймера» на Воронцовской улице – екатерининский (по дедушке) немец, а стало быть, старожил Керчи и потому невольный хроникёр больших и малых её событий, биограф известнейших фамилий здешнего света и жанровый портретист персонажей вовсе безвестных – героев неумолчного повествования городских улиц. Каждый новый рассказ свой, лаконично умещённый на картонке с золотыми медалями лживых заверений, дескать, и тут лауреат и этак дипломант... Фотий начинает словами в верхнем правом углу карточки: «Приветъ из Керчи».

Что ж, и нам не зазорно будет повторить вслед за господином Цаймером – немного плагиата в этом равнодушном обращении: